

Н. А. Попов

**Сербия после Парижского
мира**

**Выпуск 1. Свято-Андреевская
скупщина. (1858-1859)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. А. Попов**
Сербия после Парижского мира: Выпуск 1. Свято-Андреевская скупщина.
(1858-1859) / Н. А. Попов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 269 с.

ISBN 978-5-518-08025-6

ISBN 978-5-518-08025-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНІЕ.

Важность новѣйшей сербской исторіи. — Сербская исторіографія. — По поводу печатныхъ рецензій на книгу: «Россія и Сербія». — Рукописныя замѣчанія на ту же книгу г. президента государственнаго совѣта Сербіи, Іована Маричовича. — Неизданныя сочиненія Георгія Протича. — Письма его к князя Михаила Обреновича. — Политическое положеніе Сербіи и ея внутренніи партіи передъ изгнаніемъ Кара-Георгіевича.

Въ настоящее время никто уже изъ русскихъ читателей не будетъ сомнѣваться ни въ политической важности, ни во внутреннемъ интересѣ, которые неотъемлемо принадлежать новѣйшей исторіи сербскаго княжества. Судьбы Сербіи и сербскаго народа такъ были тѣсно связаны въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ исторіей Россіи, да и въ будущемъ успѣхи сербскаго княжества должны отражаться такъ, или иначе на отношеніяхъ Россіи къ восточнымъ христіанамъ, что сомнѣваться въ значеніи для насъ сербской исторіи можетъ лишь тотъ, кто остается равнодушнымъ къ исторіи своего отечества. Можно сказать, что послѣ польскаго народа, исторія котораго такъ тѣсно сплелась съ исторіей народа русскаго, изъ всѣхъ славянскихъ народовъ сербы, вмѣстѣ съ болгарамъ, чаще другихъ приходили въ соприкосновеніе съ Россіей; исторія ихъ оставила по себѣ столь ясныя и свѣжіе слѣды въ прошлой жизни нашего отечества. Но судьбы сербскаго княжества за послѣдніе годы имѣютъ еще и другое значеніе, вводящее исторію Сербіи въ кругъ болѣе широкихъ международныхъ отношеній. Прежде всего судьба Сербіи безспорно должна имѣть сильное вліяніе на судьбу южныхъ славянъ, принадлежащихъ къ восточной половинѣ австрійской имперіи, искусственнымъ образомъ поставленныхъ въ подчиненныя отношенія къ венгерской

коронѣ и къ политическимъ требованіямъ мадьяръ. Еще неразрывнѣе, еще прочнѣе тѣ связи, племенные и историческія, которыя соединяютъ сербское княжество съ южными славянами, остающимися подъ властію Турціи и населяющими большую часть Балканскаго полуострова, особенно же съ сербами, живущими въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Срединное положеніе сербскаго княжества между остальными южными славянами даетъ ему видное значеніе въ общей судьбѣ ихъ; а политическіе успѣхи послѣднихъ сорока лѣтъ даютъ ему преобладающее вліяніе на ходъ общей жизни турецкихъ славянъ, и такимъ образомъ на долю Сербіи выпадаетъ весьма видная роль въ разрѣшеніи всего славянскаго вопроса. Словомъ, историческія преданія и политическія цѣли, создавшія новую Сербію, соприкасаются въ настоящее время съ интересами Австріи, Венгрии и самой Турціи. Первые даютъ сербской исторіи значеніе европейское, а послѣдніе связываютъ ее съ такъ называемымъ восточнымъ вопросомъ. До парижскаго мира политическая исторія Сербіи опредѣлялась сперва взаимными отношеніями между Россіей и Турціей, сильнымъ вліяніемъ русской дипломатіи на Порту, а потомъ соперничествомъ великихъ европейскихъ державъ съ Россіей и отчасти между собою. Послѣ парижскаго мира, Сербія вышла изъ-подъ исключительнаго покровительства Россіи; вмѣшательство въ ея дѣла какой либо одной державы стало невозможнымъ безъ согласія всѣхъ остальныхъ; судьба Сербіи, находясь въ связи съ общимъ ходомъ дѣлъ въ Европѣ, стала въ болшую зависимость отъ условій ея внутренней жизни отъ общаго положенія дѣлъ на христіанскомъ Востокѣ. Если исторія сербскаго княжества до парижскаго мира, въ глазахъ русскаго писателя, имѣетъ прежде всего значеніе по вопросу о покровительствѣ, оказанномъ сербамъ Россіей, то исторія его послѣ парижскаго мира важна по отношенію къ славянскому и восточному вопросамъ. Издавъ въ 1869 году «Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 годъ» (въ двухъ томахъ), я предлагаю теперь очеркъ политической исторіи сербскаго княжества со времени парижскаго мира.

Но прежде, чѣмъ приступить къ историческому изложенію, я долженъ представить здѣсь нѣсколько объясненій касательно связи между прежнимъ моимъ сочиненіемъ и настоящимъ, долженъ коснуться тѣхъ запросовъ и сомнѣній, съ которыми русская критика обратилась къ моему первому труду; ибо и запросы

эти и самый предмет сочиненія такъ нераздѣльно связаны съ предметомъ, нынѣ мною излагаемымъ, что разъясненіе ихъ для меня неизбежно, а читателямъ объяснить мою точку зрѣнія на предметъ.

Сочиненій, обнимающихъ полную исторію сербскаго княжества, внутреннюю и вѣшнюю, до сихъ поръ нѣтъ ни на русскомъ, ни на сербскомъ, ни на какомъ другомъ языкѣ. Были сочиненія, въ которыхъ излагалась исторія Сербіи, лишь въ извѣстную эпоху; чаще всего излагалась исторія политическая, весьма рѣдко, и притомъ въ небольшихъ размѣрахъ, исторія внутренняя. Книга С. Милутиновича: «Исторія Сербіи отъ начала 1813 года до конца 1815 года», была очень подробнымъ сводомъ рассказовъ современниковъ о томъ, что происходило въ эти три года въ сербскихъ земляхъ, снова подпавшихъ тогда подъ турецкое иго. Книга Вука Караджича: «Милошъ Обреновичъ, князь Сербіи, или матеріалы для сербской исторіи нашего времени», была первою попыткой изложить исторію Сербіи въ последовательномъ разсказѣ до войны Россіи съ Турціей, начатой въ 1828 году; но эта книга можетъ быть лишь подробною, весьма дѣльною програмою для историческаго сочиненія объ эпохѣ, въ ней описываемой, и притомъ составлена съ исключительною цѣлію восхвалить Милоша Обреновича и указать на его, безъ сомнѣнія, важныя для Сербіи заслуги. Этою програмою, а еще болѣе разсказами самого Вука Караджича и его указаніями пользовался знаменитый нѣмецкій историкъ Леопольдъ Ранке въ своемъ сочиненіи: «Исторія сербской революціи по сербскимъ источникамъ», переведенномъ и на русскій языкъ. Но первое основаніе для болѣе строгаго, документальнаго изученія исторіи сербскаго княжества положено было въ 1846 года Бѣлградскимъ Обществомъ сербской словесности, которое теперь называется Сербскимъ Ученымъ Дружествомъ. Въ засѣданіи 29 декабря 1846 года, членъ этого общества, бывший тогда главнымъ секретаремъ государственнаго совѣта Сербіи, докторъ Іованъ Стенчъ, представилъ крайнюю необходимость не только озаботиться сохраненіемъ и собираніемъ извѣстій и документовъ для сербской исторіи новѣйшаго времени, но и написать исторію освобожденія Сербіи. Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, Авраамъ Петровіевичъ, самъ бывший главнымъ участникомъ въ политическихъ переворотахъ, совершившихся въ Сербіи съ 1830 года, заявилъ, что онъ представитъ обществу планъ для такого сочиненія. Въ засѣ-

даніи 20 января слѣдующаго года, этотъ планъ уже былъ читанъ и общество предложило рассмотреть его и представить свои соображенія о томъ же предметѣ: Сямѣ Милутиновичу, Исидору Стояновичу, доктору Янку Шафарику и Сергѣю Николичу. Послѣдніе трое въ то время были професорами бѣлградскаго лицея. Въ засѣданіи 28 февраля читаны были ихъ отвѣты. Такимъ образомъ, во мнѣніяхъ пяти членовъ общества, извѣстныхъ или своею политической или ученою дѣятельностію, высказались взгляды самихъ сербовъ на то, чего они желаютъ и ждутъ отъ исторіи сербскаго княжества, какія приготовленія необходимы для такого труда и какія средства понадобятся для выполнения его. Познакомиться съ этими мнѣніями чрезвычайно любопытно уже и по тому, что общество сербской словесности соединяло въ себѣ всѣ лучшія умственные силы Сербіи, и на пемъ лежала обязанность удовлетворить народной потребности въ исторіи своей страны *).

Планъ Авраама Петроніевича, разсуждавшаго о томъ: какимъ образомъ можно описать исторію новой Сербіи, состоялъ въ слѣдующемъ. Онъ говорилъ, что сперва надо собрать всѣ матеріалы, а потомъ найти искуснаго историка; правительство должно оказать при этомъ обществу матеріальное пособіе, а общество должно поручить двумъ опытнымъ и ревностнымъ лицамъ: сперва собрать устные свѣдѣнія о событіяхъ съ конца прошлаго столѣтія до 1813 года отъ бѣлградскихъ старожиловъ, затѣмъ объѣхать важнѣйшіе сербскіе города и села, провѣрить тамъ и пополнить бѣлградскіе расказы, описать мѣста битвъ между сербами и турками, и все это изложить, «не взирая ни на какое лицо и ни на чей интересъ». При этомъ Петроніевичъ намѣтилъ важнѣйшія событія изъ временъ перваго возстанія сербовъ, назвалъ лица, расказы которыхъ могли имѣть особенную важность, и указалъ тѣ мѣстности, которыя необходимо было посѣтить. Разсатривавшіе планъ Петроніевича взглянули на вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Проще и невзыскательнѣе всѣхъ въ научномъ отношеніи отнесся къ предложенному вопросу Сима Милутиновичъ, весьма незатѣйливый расказчикъ событій, сопровождавшихъ паденіе Сер-

Всѣ нижеприводимыя мнѣнія см. въ «Гласникъ друштва сербске словесности», св. I, стр. 212 — 218; св. II, стр. 156 — 196; св. III, стр. 277—278; св. IV, стр. 269—270.

біи послѣ бѣгства Кара-Георгія. Онъ представилъ въ общество свой планъ: «какъ и кѣмъ можно собрать и написать новую сербскую исторію легче и скорѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ подробнѣе и истиннѣе, начавъ отсюда, гдѣ остановился Раичъ». Прежде всего онъ потребовалъ назначенія особой суммы съ тѣмъ, чтобъ изъ нея производилась уплата тѣмъ бѣднякамъ, рассказы которыхъ будущій собиратель сербской исторіи станетъ записывать: такимъ путемъ онъ предполагалъ сдѣлать пріятнымъ и сладкимъ даже для простыхъ людей трудъ составленія народной исторіи. Затѣмъ онъ требовалъ платы и самому собирателю историческихъ свѣдѣній, назначенія ему денегъ на разѣзды, содержаніе и прислугу во время странствій по Сербіи, а равно и на канцелярію. Собирателемъ историческихъ свѣдѣній, по мнѣнію Милутиновича, долженъ быть природный сербъ, помощниками и писарями у него должны быть также сербы. Всею канцеляріей своей онъ можетъ располагать по собственному усмотрѣнію и ѣздить съ нею куда захочетъ, при чемъ правительство обязано содѣйствовать ему рекомендаціями. Какъ самъ исторіографъ, такъ и его помощники должны записывать преимущественно рассказы людей наиболѣе старыхъ (около 70 лѣтъ), какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Когда какой либо изъ писарей запишетъ выслушанный имъ, въ присутствіи исторіографа, рассказъ, самъ исторіографъ долженъ пересмотрѣть эту записку, исправить ошибки въ ней и вписать пропущенное; затѣмъ такая записка утверждается рукоприкладствомъ рассказчика, или, по народному обычаю, помѣткою рукописи посредствомъ креста и подписи присутствовавшихъ при рассказѣ. По мѣрѣ накопленія такихъ рассказовъ, они должны быть печатаемы, безъ всякихъ измѣненій, особыми выпусками. Такой способъ собиранія народныхъ рассказовъ Милутиновичъ предлагалъ установить навсегда, распространивъ его на собираніе всякой старины не только по исторіи страны, но и по исторіи языка, народнаго быта, искусствъ, промышленности и т. д.; предлагалъ собирать планы укрѣпленій, церквей, старинныхъ развалинъ, описывать старыя рукописи: однимъ словомъ, онъ хотѣлъ образовать при сербскомъ ученomъ обществѣ цѣлый «архивъ сербства» съ особою канцеляріей, нѣчто въ родѣ нашихъ археографическихъ комиссій, и предлагалъ назначить начальникомъ такого архива Вука Караджича.

Исидоръ Стояновичъ, въ своемъ мнѣніи, изъяснивъ важность народныхъ преданій для исторіи, говорилъ о томъ, какъ рассказы

о геройскихъ подвиговъ предковъ могутъ одушевлять ихъ потомковъ и ссылаясь при этомъ на борьбу грековъ и сербовъ за свою свободу: «и наши сербскіе юнаки, говорилъ онъ, въ этой безпримѣрной, продолжавшейся девять лѣтъ, борьбѣ, по свидѣтельству безсмертнаго гуслопѣвца Филиппа Вишничя, помышляли о старыхъ юнакахъ, мужественно умиравшихъ на полѣ битвы, одушевлялись ихъ примѣромъ и, жертвуя собою за вѣру, народъ и отечество, положили основаніе нашему счастью и свободѣ. Народная слава, народная гордость всегда ищутъ опоры въ историческихъ воспоминаніяхъ. Кромѣ того, исторія указываетъ на прошлыя ошибки и очищаетъ нравственное чувство въ народѣ. Люди, содѣйствующіе сохраненію историческихъ извѣстій, заслуживаютъ народной признательности». Затѣмъ, упомянувъ о трудахъ Караджича, Милутиновича, Ранке, Пирха, Поссарта, Светича (I. Хаджича) и своихъ, Стояновичъ перешелъ къ плану, составленному Петроніевичемъ. Онъ также предложилъ установить званіе народнаго исторіографа: ибо такое дѣло можетъ исполнить лучше одинъ опытный и ревностный человѣкъ, чѣмъ десять, занятыхъ другими дѣлами. Далѣе Стояновичъ, описавъ свойства, необходимыя для народнаго исторіографа, старался опредѣлять плату ему и расходы на его поѣздки, предлагая покрывать и то и другое изъ народной казны, при чемъ исторіографъ обязанъ печатать свои труды, по мѣрѣ накопленія ихъ, выпусками въ десять листовъ, подъ заглавіемъ: «матеріалы для новой сербской исторіи». Такое изданіе, по его мнѣнію, должно было состоять изъ шести отдѣловъ. Въ первомъ должны быть описаны политическія событія, на примѣръ: сраженія, скупщины, посольства, государственныя распоряженія и т. п. въ хронологическомъ или же въ топографическомъ порядкѣ, какъ будетъ легче для собирателя; во второмъ—житія знаменитыхъ сербовъ; въ третьемъ—документы, записи, официальные извѣстія, инструкціи, дневники, письма и описи; въ четвертомъ—списки погибшихъ и попавшихся въ плѣнъ сербовъ, съ краткимъ обозначеніемъ, кто они были и откуда, гдѣ, какъ и кѣмъ убиты или плѣнены; въ пятомъ—статистическія данныя о внутреннемъ устройствѣ; въ шестомъ—различныя рассказы, характеризующіе описываемое время и его дѣятели. Стояновичъ требовалъ при этомъ, чтобы языкъ письменныхъ документовъ и устныхъ рассказовъ не былъ исправляемъ при печатаніи ихъ, и чтобы къ каждому четвертому выпуску прилагаемъ былъ общій для всѣхъ четырехъ указатель.

Только послѣ изданія всѣхъ этихъ матеріаловъ можно, по мнѣнію Стояновича, поручить опытному писателю составленіе прагматической исторіи Сербіи, при чемъ должны быть приняты во вниманіе и сочиненія на иностранныхъ языкахъ.

Николичъ, въ своемъ мнѣніи, также коснулся значенія народной исторіи. «Народная исторія, говорилъ онъ, составляетъ народное самосознаніе, и уже по ней народъ признается и другими. Народная и особенно государственная исторія служитъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ изображеніемъ народной жизни и точнымъ свидѣтельствомъ международныхъ отношеній; народная исторія есть какъ бы крестильная записъ цѣлаго народа, и потому между всѣми науками она наиболѣе народна. А потому прежде всего она должна входить въ кругъ занятій народнаго ученаго общества». На этомъ основаніи Николичъ требовалъ, чтобы собраніемъ матеріаловъ для сербской исторіи занялось само Бѣлградское Общество: ему нѣтъ надобности нанимать особыхъ людей для того: его дѣйствительные члены и корреспонденты могутъ содѣйствовать общей цѣли: наконецъ Общество можетъ назначить преміи за историческія сочиненія. «Я смотрю на это дѣло, говоритъ онъ, какъ на принадлежащее, по самому свойству своему, къ числу существенныхъ занятій Общества». Но при этомъ Николичъ признавалъ необходимымъ образовать въ Обществѣ отдѣлы и въ томъ числѣ историческій: надзоръ же за собраніемъ матеріаловъ и изданіемъ ихъ Николичъ предлагалъ поручить Стояновичу.

Янко Шафарикъ вмѣстѣ съ другими признавалъ необходимость немедленно же приступить къ собранію историческихъ матеріаловъ и видѣлъ въ народной исторіи залогъ будущихъ успѣховъ народа. Для достиженія цѣли и онъ предлагалъ установить званіе земскаго или народнаго исторіографа. Но, признавая пользу отъ изученія новой сербской исторіи, онъ указывалъ на необходимость изученія и старой исторіи: «ибо исторія сербская, говорилъ онъ, какъ и жизнь сербскаго народа—одна, и новая есть только продолженіе старой, и ни одно мгновеніе въ ней не можетъ быть считаемо излишнимъ, а стало быть, надо изслѣдовать каждое, какъ принадлежащее къ цѣлому». Такимъ образомъ Шафарикъ ставилъ въ обязанность сербскому исторіографу изслѣдованіе не только новой, но и древней исторіи сербскаго народа; а потому онъ совѣтовалъ собирать все древнее и новое, имѣющее какую либо историческую, археологическую или этногра-

фическую важность, какъ-то: письменные памятники и документы, старыя книги, монеты, печати и другіе вещественные памятники, и представлять ихъ въ народный музей. Онъ указывалъ на необходимость спеціальнаго изданія съ такою цѣлю, въ которомъ бы печатались: лѣтописи, дипломы, старыя и новыя письма, извлеченія изъ иностранныхъ писателей, — словомъ, все, что касается сербской исторіи. Предполагаемый исторіографъ могъ бы помѣщать въ этомъ изданіи историческія монографіи, описанія отдѣльныхъ событій и жизнеописанія. По накопленіи достаточныхъ матеріаловъ, можно приступить къ составленію обширнаго сочиненія сперва по новой сербской исторіи, а потомъ и по древней. «Кратко говоря, обязанность народнаго исторіографа состояла бы въ томъ, чтобы непрестанно обрабатывать сербскую исторію и непрерывно предлагать сербскому народу духовную пищу изъ его исторіи». Собираніе матеріаловъ и печатаніе ихъ Шафарикъ предлагалъ производить на счетъ правительства; въ исторіографы рекомендовалъ Исидора Стояновича.

Мнѣніе о необходимости самому Обществу заняться собираніемъ историческихъ матеріаловъ взяло перевѣсъ. Къ тому же Исидоръ Стояновичъ, на котораго указывали нѣкоторые изъ представившихъ мнѣнія о планѣ Петроніевича, какъ на опытнаго исторіографа, вскорѣ умеръ, а Вукъ Караджичъ, проживавшій большею частію въ Вѣнѣ, не могъ удовлетворить условію постоянного пребыванія въ Сербіи для разъѣздовъ по ней. Но приступить немедленно къ организациі своихъ историческихъ занятій Общество не могло еще и по тому, что вскорѣ наступилъ бурный 1848 годъ, отвлекшій задунайскихъ сербовъ отъ мирныхъ занятій къ борьбѣ за сербовъ австрійскихъ, угнетаемыхъ мадьярами. Только 2 января 1849 г. Дмитрій Матичъ напомнилъ о необходимости переустроить Общество съ цѣлю усилить его спеціальныя занятія. Избрана была комиссія изъ трехъ членовъ: Шафарика, Матича и Константина Магазиновича, для обсужденія этого вопроса. Комиссія предложила раздѣлить Общество на пять отдѣловъ, въ числѣ которыхъ былъ и историческій. Общество приняло это предложеніе: и съ самаго же основанія своего историческій отдѣлъ его занялся собираніемъ письменныхъ документовъ, вещественныхъ памятниковъ и пересмотромъ рукописей историческаго содержанія, представляемыхъ членами его. Съ тѣхъ поръ Общество сербской словесности до закрытія своего, которое послѣдовало въ началѣ 1864 года, успѣло издать 17 книгъ

«Гласника», въ которыхъ печатались статьи и матеріалы по древней и новой исторіи сербскаго народа. Въ концѣ 1864 года Общество возникло снова подъ названіемъ Ученаго Дружства, также подѣленнаго на нѣсколько отдѣловъ и въ томъ числѣ имѣющаго отдѣлъ историческій. Это новое общество издало уже 11 книгъ «Гласника», наполненныхъ историческими и археологическими статьями. Кромѣ того Общество издаетъ особый отдѣлъ «Гласника» подъ заглавіемъ: «Матеріалы для новой сербской исторіи», которыхъ вышли до сихъ поръ двѣ тетради, точно также какъ прежнее общество издало одну книгу подобныхъ матеріаловъ, въ которой напечатанъ «Дѣловодный протоколъ Кара-Георгія отъ 1812 мая 21 до 1813 г. августа 5». Были также изданы прежнимъ обществомъ «Сборники», заключающіе въ себѣ памятники сербской исторіи, почерпнутые изъ архивовъ Дубровника и Венеціи. Древняя сербская нумизматика нашла себѣ между членами общества трудолюбиваго изыскателя въ лицѣ Янка Шафарика. Для новой исторіи Сербіи между матеріалами, помѣщенными въ «Гласникѣ», кромѣ подлинныхъ документовъ и писемъ, особенно полезны отдѣльныя описанія нѣкоторыхъ округовъ Сербіи, замѣнившія собою топографическія изслѣдованія съ цѣлію описанія историческихъ мѣстностей, на что указывалъ въ своемъ мнѣніи Исидоръ Стояновичъ. Наконецъ Общество принесло пользу занимающимся новою сербскою исторіей еще и тѣмъ, что его изданія послужили примѣромъ для частныхъ лицъ, и въ послѣдніе годы въ сербской литературѣ стали появляться небольшія историческія сочиненія о разныхъ событіяхъ, совершившихся въ настоящемъ столѣтіи, изданія частныхъ писемъ и мемуаровъ. Между послѣдними особенно замѣчательны мемуары протоіерея Матвѣя Ненадовича.

Иностранная литература представила послѣ 1848 года значительное число сочиненій о Сербіи различнаго достоинства. Но изъ нихъ заслуживающими полнаго вниманія могутъ быть названы лишь три: 1) B. S. Cunibert, *Essai historique sur les révolutions et l'indépendance de la Serbie depuis 1804 jusqu'à 1856* (Leipzig. 1855), въ двухъ томахъ; 2) Dr. E. I. von Tkalac, *Das Staatsrecht des Fürstenthums Serbien* (Leipzig. 1858); 3) F. Kanitz, *Serbien. Historisch-ethnographische Reisestudien aus den Jahren 1859—1868* (Leipzig. 1868), большой томъ въ 744 страницы съ 40 иллюстраціями, 20 большими рисунками и картой. Первое сочиненіе, по своему происхожденію, можетъ быть отнесено

къ отдѣлу мемуаровъ, но по полнотѣ, съ какою изложены въ немъ событія перваго правленія Милоша, оно можетъ быть названо его исторіей. Пишущій о томъ времени не можетъ обойтись безъ книги Кюнибера, и читатели моего сочиненія: «Россія и Сербія» могли замѣтить, какъ много первый томъ его обязанъ своимъ содержаніемъ мемуарамъ Милошева медика. Книга Ткалаца даетъ самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи, въ какомъ находилась Сербія предъ изгнаніемъ Кара-Георгіевича. Сочиненіе Каница представляетъ собою результаты десятилѣтнихъ изслѣдованій автора о прежней и современной жизни Сербіи. Оно можетъ быть названо настольною книгой для всякаго, кто хочетъ ближе ознакомиться съ сербскимъ княжествомъ не только съ точки зрѣнія исторической, но также географической, статистической и этнографической. Бѣльшая половина книги занята рассказами о странствованіяхъ автора по Сербіи, другая половина есть какъ-бы изслѣдованіе о сербскомъ государствѣ и обществѣ, съ которыми авторъ знакомитъ своего читателя въ систематическомъ и довольно подробномъ очеркѣ. Къ сожалѣнію, сочиненіемъ Каница я не могъ воспользоваться въ моей книгѣ, ибо оно въ Москвѣ было получено уже тогда, какъ моя книга стала печататься.

Отсутствіе въ русской литературѣ особыхъ сочиненій о новой Сербіи дало мнѣ мысль ознакомиться, во время моего трехмѣсячнаго пребыванія въ Бѣлградѣ въ 1864 году, съ исторіей сербскаго княжества. Само собою разумѣется, что, при вышеописанномъ состояніи сербской исторической литературы, я не могъ ограничиться только печатными матеріалами, но долженъ былъ обратиться къ собранію матеріаловъ не изданныхъ; но по краткости времени и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ пришлось ограничиться лишь отрывочнымъ знакомствомъ съ однимъ официальнымъ архивомъ и тремя собраніями документовъ у частныхъ лицъ. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о томъ, чтобы написать полную исторію сербскаго княжества. Между тѣмъ въ русской литературѣ уже появилась статья А. В. Дубровина подъ заглавіемъ: «Сербскій вопросъ при Александрѣ I» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1863 г.). Здѣсь исторія Сербіи во время Кара-Георгіа излагалась лишь по отношенію ея къ русской исторіи. Строго говоря, другой точки зрѣнія на новую сербскую исторію и быть не могло у русскаго писателя. Той же точки зрѣнія держался и я въ своей книгѣ, имѣя единственною цѣлю представить въ ней «очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ